

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

ОРХИДЕЯ

Николай Георгиевич Гарин- Михайловский Орхидея

Аннотация

«Богатая приемная в большом отделении при гостинице. Посреди накрытый стол. На столе самовар, кофейный прибор...»

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	6
Действие второе	42
Действие третье	58
Действие четвертое	67

Николай Гарин- Михайловский

Орхидея

Драма в четырех действиях и пяти картинах

Действующие лица

Наталья Алексеевна Рославлева, 21 года, одевается по моде.

Борис Павлович Беклемишев, литератор, 32 лет.

Мария Васильевна Беклемишева, жена его, интеллигентная особа, 27 лет.

Александр Сергеевич Зорин, литератор, лет 50, слегка обрюзгший, полный.

Владислав Игнатьевич Босницкий, средних лет, высокий, худой, неопределенной профессии, с эффектными жемчугами, подвижным лицом, мимикой которого подчеркивает свою речь.

Князь, студент-белоподкладочник.

Алферьев, бедно одетый студент.

Санин, зять Беклемишева.

Дети Беклемишевых:

Аля – мальчик пяти лет, больной.

Девочка – двух лет.

Прислуга, актеры, зрители.

Между первым и вторым действием проходит шесть месяцев.

Между третьим и четвертым три месяца.

Действие первое

Богатая приемная в большом отделении при гостинице. Посреди накрытый стол. На столе самовар, кофейный прибор.

Явление 1

Лакей. В деревне рассказать, так и не поверят: «тыщи» летят... Это вот хоть понял, значит, человек, зачем он жить на землю пришел... Деньги есть – все возможно... Мужа по боку спустила, каждый день нового молодца... А уж нашему брату на водку никто во всей гостинице больше не дает.

Явление 2

Князь (*входит, оглядывается угрюмо*). Не выходила ба-рыня?

Лакей. Спят.

Князь идет к дверям спальни и пробует отворить.

Явление 3

Босницкий входит и во время дальнейшей сцены присаживается к столу, наливает чашку кофе, пьет и ест.

Голос Рославлевой (*из-за двери*). Напрасно, дверь закрыта.

Князь. Мне надо вам сказать всего два слова.

Голос Рославлевой (*после паузы*). Не пушу. Я до вечера никого не принимаю... Уходите.

Князь. Так? (*Некоторое время ждет ответа, поворачивается и, увидев Босницкого, энергично плюет, потом мрачно здоровается с ним.*)

Босницкий (*невозмутимо*). Здравствуйте, не принимают так не принимают.

Князь (*угрюмо вполголоса*). А кто виноват? Надо было еще там с разными Беклемишевыми знакомить.

Босницкий (*допивая кофе и вставая*). Это все быстро кончится. (*Смотрит на часы.*) Ну-с, угодно партию на миллиарде? Так и быть, пять рублей заработаете.

Князь (*нехотя*). Вперед я ничего не дам.

Босницкий (*весело*). Хорошо, хорошо... Вот что... идите, я только два слова чиркну. А! Да бросьте вы вашу, ну, ей-богу, преглупую ревность... доказал, что я общественный человек... Я ей что-то такое напишу, от чего она сразу пове-

селеет. Ну, идите.

Явление 4

Босницкий (*пишет*). «Сыграйте первую партию с маркером, – через четверть часа приду». (*Оставляет писать, лакею.*) Отнесите эту записку князю... (*Вынимает рубль.*) Барыня выйдет – придите сказать: я буду в библиотеке или ресторане.

Лакей. Слушаю-с.

Голос Рославлевой. Павел!

Лакей. Что прикажете?

Голос Рославлевой. Кто-нибудь есть в столовой?

Босницкий быстро отходит к двери, делает энергичные жесты лакею.

Лакей. Никого нет-с.

Босницкий исчезает за дверью.

Явление 5

Рославлева (*входит, идет к столу и садится, брезгливо.*) Кто это пил? Фу, гадость... (*Лакею.*) Возьмите эту чашку.

Лакей берет чашку.

Не приходите больше.

Лакей. Слушаю-с. (*Уходит.*)

Явление 5

Рославлева с недовольным лицом наливает себе кофе, лениво и рассеянно пьет его, избалованно, по-детски разламывая печенье.

Босницкий (*быстро входя, целует Рославлевой руку*). Ну, так и есть! Да вы знаете, несчастная, который уже час?

Рославлева (*равнодушно*). Для сегодня – это все равно.

Босницкий. Потому что Беклемишева не будет? (*Протягивая нараспев.*) А если я скажу, что Борис Павлович просил передать, что раздумал ехать к родным и сейчас приедет.

Рославлева (*радостно*). Приедет?!

Босницкий (*сложив руки, смотрит и качает головой*). Да понимаете ли вы, что я, я должен теперь чувствовать?

Рославлева (*с злой и в то же время веселой интонацией*). Не понимаю... (*Ласково.*) Голубчик, не сердитесь. Где вы его видели? Он не поедет к родным?.. Ах, я так, так счастлива...

Босницкий. Она счастлива... Я утешаю себя только тем, что она была так же счастлива, когда в свое время...

Рославлева (*с наслаждением смеется, смотрит, не сводя глаз, с той же злой интонацией*). Утешайтесь, утешайтесь...

Босницкий. Жестокая... И, главное, бесполезная жестокость: кто вас познакомил с Беклемишевым? Мог бы и не знакомить, если бы смотрел глазами остальных...

Рославлева. Ну, конечно! Вы самый умный человек, и остальные... Гм... гм... кхе... кхе... кхе...

Босницкий. Женская благодарность... Послушайте, Наталья Алексеевна, серьезно: это нехорошо... Ведь и мы, мужчины, умеем мстить...

Рославлева (*протягивает ему руку, смущенно*). Ну, мир... Позвоните.

Босницкий (*звонит*). Ну-с, что ж вам еще сказать? Да... Зорин приедет благодарить вас... Князь внизу с маркером на биллиарде... Ну, а теперь я бегу?

Рославлева. Нет, оставайтесь... Помогите мне с Зорным... Я боюсь, – что я с ним буду говорить?

Босницкий. Во имя чего оставаться? Вы все-таки должны помнить, что если я слишком самолюбив, чтобы насильственно занимать чужое место, то тем менее желаю быть в роли зрителя...

Рославлева. Владислав Игнатьевич!

Босницкий. Вы, кажется, серьезно хотите играть в любовь? Оставьте: поверьте, ничего интересного нет. Какая там любовь, герой, когда вся стихия современного челове-

ства – ложь, ложь русская, французская, китайская, – какое геройство во лжи? А бросьте вы эту ложь, и вы уже на дне; поверьте, в том искусство, тот только приспособлен, кто умеет скользить по жизни, не обманываясь ее глубинами. Там в глубинах дно, а на дне ил и зеленые раки.

Рославлева (*с веселым ужасом зажимает уши*). Я уже вижу это дно: боюсь!

Босницкий (*нежно*). И оставьте его ракам. (*Понижая голос.*) Вспомните лучше невыполненный долг старому, всегда преданному другу за юбилей, за знакомство с литераторами. (*Целует ее.*)

Рославлева (*растерянно*). Ну, хорошо, хорошо, довольно.

Явление 7

Лакей входит.

Рославлева (*лакею*). Убирайте.

Босницкий (*смотрит озабоченно на часы, пожимает плечами*). Хорошо... В таком случае я... тут в ресторане один мой знакомый... я сейчас его спроважу и приду. (*Идет к двери.*)

Рославлева (*проводя его, уходит за ним, слегка бьет рукой об руку, растерянно*). М-м-м...

Лакей убирает со стола. Уносит прибор.

Явление 8

Рославлева и князь входят.

Рославлева (*быстро идя вперед, расстроенная, горячо, раздраженно*). Ну, а я вам говорю, что не желаю, не желаю и не желаю...

Князь (*идет за ней, говорит неприятным, наставительным тоном*). Не понимаю... В таком случае через год вас понесут уже на кладбище.

Рославлева. Ну, и отлично.

Князь. И это все-таки будет еще лучше, а может быть и хуже.

Рославлева. То есть что?

Князь. Сами знаете: пьете – всякого пьяницу за пояс заткнете, все ночи в оргиях, меняете любовников...

Рославлева. Да вы с ума сошли! Вы не смеете!

Князь. Нет, смею и буду говорить.

Рославлева. А я вас выгоню!

Князь (*грубо*). Не уйду.

Рославлева. Что?!

Князь. Вот и что.

Рославлева (*останавливается перед камином, с отчаянием*). Господи! что же это?!

Князь (*порывисто*). Наташа! Мы с тобой совсем сумасшедшие люди.

Рославлева. Господи, да когда же конец этому?! Я вас слушать не могу. Я ведь всегда, всегда вам прямо говорила, что ненавижу, презираю вас.

Князь. И тогда ненавидела?

Рославлева (*устало*). Вы знаете очень хорошо, что я ничего не помнила.

Князь (*страстно*). Вы лжете, – вовсе не так уж пьяны были... После того еще бутылку выпили... Наташа, пожалей же... Ведь ты же знаешь, как я люблю тебя...

Рославлева. Да не смейте же говорить мне «ты».

Князь (*не слушая*). Я ведь погиб, погиб, – спаси меня, Наташа! (*Вынимает платок, плачет.*)

Рославлева. Это мужчина?!

Князь (*угрюмо*). Не бойся – мужчина! Надо будет – и глотку сумеем перерезать. Наташа, ведь ты же гибнешь... Ведь и я с тобой пропаду... Я не могу никому тебя уступить... Я убью, зарежу... Уедем отсюда, уедем за границу.

Рославлева. С вами? Слушать ваши сальные анекдоты? Наслушалась!

Князь. Наслушалась?! Поумнела с тех пор, как с писателями познакомилась? Беклемишев?! А на что вы ему? Еще раз сыграть роль...

Рославлева (*крича*). Да как же вы смеете, наконец?!

В дверях показывается Босницкий.

Я презираю, ненавижу вас...

Князь. А, так?! Ну, тогда...

Рославлева. Да что тогда? Не смейте больше бывать у меня. *(Быстро уходит и скрывается в своей спальне.)*

Явление 9

Босницкий *(входя)*. В чем дело?

Князь *(взволнованно)*. Понимаете, весь сыр-бор загорелся из-за того, что я сказал, что, если так пойдет, она или умрет, или сопьется, или еще хуже что-нибудь выйдет.

Босницкий *(с гримасой)*. Зачем?

Князь. А вы разве не того же мнения? Может быть, так резко говорить не надо было, ну, я жалею, что не умею владеть собой... *(Ходит, решительно останавливается перед Босницким.)* Слушайте: вы помирите меня с ней, а то я в таком состоянии, что, ей-богу, не ручаюсь... Я согласен просить у нее извинения... на все согласен... Может быть, действительно грубо... Ну, я не буду: только я должен помириться, понимаете – должен...

Босницкий *(ходит задумчиво, с гримасой)*. Уйдите туда *(показывает на дверь)*, я позову вас.

Явление 10

Босницкий (*подходит к спальне Рославлевой, стучит тихо*). Наталья Алексеевна... (*Молчание.*) Выйдите, он ушел.

Явление 11

Рославлева входит слегка заплаканная, утомленная.

Босницкий. Охота вам обращать внимание на слова человека с приросшими мозгами: с такими людьми надо уметь брать высший тон, а уж сделана ошибка, надо с тактом уничтожить ее последствия... Ну, влюбился, потерял голову... Сами же подали повод...

Рославлева (*с отвращением*). Да ничего он не потерял, и не я ему нужна... Отлично понимаю... Ведь я все, все так понимаю...

Босницкий (*с гримасой*). Что там еще... Вопрос просто ставится: решили вы покончить с ним, ну и выводите так линию... Взбалмошный мальчишка... Сидит там и говорит: если она меня не простит, я покончу с собой.

Рославлева. Да не покончит же...

Босницкий. Но кончают... самого слабохарактерного

можно довести. И что приятного? Пустит себе пулю в лоб, – скомпрометируете себя перед всеми.

Рославлева. А-а!

Босницкий. Имейте терпение: даю вам слово, – в самое короткое время отстанет... Слушайте: я его позову... Никаких объяснений, ничего не надо...

Рославлева. Предупреждаю – никаких объяснений. Иначе я не выдержу.

Босницкий. Само собой, никаких. (*Быстро уходит.*)

Явление 12

Рославлева (*стоит неподвижно, с отчаянием*). Эти негодяи способны рассказать все Борису!

Явление 18

Босницкий и князь входят.

Рославлева (*равнодушно-апатично князю*). Ложу взяли?

Князь (*угрюмо*). Взял... вот... сдача. (*Кладет билет и деньги на стол.*)

Рославлева (*подходит, берет билет, бросает его на стол, тихо*). Терпеть не могу сидеть далеко от сцены.

Князь. Ближе не было.

Босницкий (*подходит к столу, смотрит билет*). Это хорошая ложа.

Князь. Да отличная ложа. Ведь это так уже: не понравится, так уж все не так, – взял бы я ложу ближе к сцене, она сказала бы: зачем не дальше...

Рославлева (*садится в кресло, упрямо, равнодушно, ни к кому не обращаясь*). Терпеть не могу сидеть далеко от сцены. (*Смотрит в камин.*)

Явление 14

Входит лакей, подает Рославлевой карточку.

Рославлева (*лакею*). Просите.

Лакей уходит.

Явление 15

Рославлева (*Босницкому*). Зорин. Переодеться?

Босницкий. Не надо.

Рославлева. Нет, я пойду хоть поправлю волосы. (*Уходит.*)

Явление 10

Князь нетерпеливо встает.

Босницкий. Уходите?

Князь (*с фатоватой выправкой вынимает портсигар, угрюмо*). Пусть уходят те, кому надо. (*Горячо.*) Я не понимаю, к чему таскать сюда всех этих Зориных, Беклемишевых?

Босницкий (*ядовито, с гримасой*). Все-таки немножко странно с вашей стороны распоряжаться в доме самостоятельной женщины.

Князь. Самостоятельной женщины?! Ребенка, которым всякий, как хочет...

Явление 17

Входит Зорин.

Босницкий (*весело, размашисто протягивает Зорину руку*). А-а. Позвольте познакомиться...

Князь делает досадливое движение, жмет руку Зорина и уходит.

Явление 18

Зорин (*садясь, оглядывает комнату*). Цветов много, хризантемы, букеты... это все подношения поклонников? Это вы познакомили с ней Беклемишева?

Босницкий. Да.

Зорин. С какой целью?

Босницкий. Немного больше психологии женской души ему, художнику, не помешает.

Зорин. Но вы сами, насколько я понимаю, от этой психологии добровольно отказываетесь...

Босницкий. Вы слишком умный человек, чтобы вас морочить... Отказываюсь. Не совсем добровольно, впрочем, — нет времени, нет денег, чтобы поспевать за всеми ее сумасбродствами.

Зорин. Бросить же прямо неудобно, а Беклемишева карман вытерпит: резонно... Тем более что при этом другом вы остаетесь...

Босницкий. Нет, вы невозможный пессимист.

Зорин. Беклемишев ведь не слышит... Даже скучно, до чего в жизни все это одно и то же.

Явление 19

Входит князь.

Князь (*спотыкается, напряженно-весело*). Оперся на бамбуковую трость, Мишка, смотри, сероват – выведут.

Зорин (*князю*). Что значит «оперся на бамбуковую трость»?

Князь (*сухо*). А не знаю, право; так просто – давление на мозг.

Босницкий. У молодого джентльмена язык образный...

Князь (*грубо*). Говорите проще – не обижусь: мой приятель, дескать, белоподкладочник, у которого, как говорится, усы штопором, голова пробкой. (*Берет графин, наливает себе, приговаривая.*) Человек, коньяку! (*Выпивает и уходит.*)

Зорин. Хорош.

Явление 20

Входит быстро Рославлева, переодетая в другое платье.

Рославлева (*Зорину*). Ах! Я так, так рада!

Зорин. Рады не рады, а принимайте: от литературного фонда с благодарностью за пожертвование, – низкий поклон

до земли. *(Тяжело кланяется.)*

Рославлева *(смущенно)*. Не конфузьте... Я растерялась совсем. Садитесь.

Все садятся.

Зорин. Не теряйтесь, пожалуйста: ручаюсь вам, со мной это скоро пройдет... Жена говорит мне: «Ах, Саша, ты какой ужасный! К тебе приходят студенты, курсистки – никогда писателя в глаза не видали, – смотрят, как на бога, а ты, вместо того чтобы поддержать, пойдешь и пойдешь: „Да вы знаете, кто я?“ Все развенчать, никаких иллюзий, такой ужасный реализм!» Да, иллюзий никаких! В молодости, в самую патетическую минуту, когда, кажется, весь мир забыл, я в эту-то минуту и подлец, – точно черт мне из-за чужой спины пальцем тычет: и морщинка под глазом, и складка не так, и шейка грязная...

Рославлева. Александр Сергеевич Зорин *(добродушно)*. Вот вам и Александр Сергеевич... Я ведь циник... Можно курить?

Рославлева. Пожалуйста. *(Тихо Босницкому, пока Зорин достает портсигар и закуривает.)* Совсем ушел?

Босницкий *(так же тихо, с гримасой)*. Шапка здесь.

Рославлева возмущенно пожимает плечами.

Зорин *(Рославлевой)*. Ну что же, понравились вам на юбилее наши писатели?

Рославлева. Ужасно!

Зорин. Но больше всех Беклемишев?

Рославлева. Я страшно люблю его сочинения.

Зорин (*добродушно*). Что-нибудь читали?

Рославлева. Я читала две его вещи. Кажется, больше и нет?

Зорин. Больше и нет.

Рославлева. Он хорошо пишет.

Зорин. Хорошо... Как что...

Рославлева. Александр Сергеевич, то, что вы пишете, с природы или фантазия?

Зорин. И если с природы, то кто именно, а если фантазия, то как было в природе? (*Босницкому.*) Это ведь особенная женская логика: Беклемишев писатель – это что, а вот интересно, как он пишет, кого именно пишет.

Рославлева, Ох, опишет меня, Александр Сергеевич.

Зорин. Вы, женщины, ведь любите, чтобы вас описывали... Иная на все пойдет: до печати – миленький, голубчик, сделайте надпись, а потом и не кланяется.

Рославлева (*лукаво*). А Владислав Игнатьевич что пишет?

Зорин (*иронически*). Он слишком умен, чтобы писать.

Босницкий. Умнее Шекспира не напишу, а глупее... не стоит... Творчество ео ipso ¹ уже глупая сила, – с созданным вместе рождается и то, что его разрушит... То, что се-

¹ тем самым (*лат.*).

годня ново, хорошо и умно, завтра уже станет старо, никуда не годно и глупо... а всё вместе – жизнь – одна большая, всегда несостоятельная глупость. Есть нечто более тонкое: угадать, понять это глупое... А впрочем, и это ниже достоинства, потому что вас не поймут... Что до меня, я давно уже уложил свой багаж и сижу на нем в ожидании черт его знает где запоздавшего поезда... Здесь времени хватит выпить, закусить... легкий флирт устроить и уступить его другому без гнева и сожаления... Вы скажете – провинциальный шалопай?

Рославлева. Просто шалопай.

Босницкий (*лениво повернув голову, прищурившись, смотрит на Рославлеву*). Я боюсь, что если захочу и вашу сделать кстати характеристику, то она выйдет, пожалуй, резка немного...

Рославлева. Делайте.

Босницкий. Делать? (*Оглядывается, откинув руку, щелкает пальцами.*) Да? (*С мэфистофельским лицом.*) Извольте: «их раздоры, болтливость, упрямство, слабость, ревность, насмешки и то искусство, которое сии малые души имеют к привлечению в свою пользу великих людей, не могут тут быть без последствий». Господин Монтескио, перевод тысяча восемьсот первого года господина Крамаренко, издание нашей академии, глава девятая: «О состоянии женского пола в разных правлениях».

Рославлева. Александр Сергеевич, слышите?

Зорин (*вставая*). Слышу... Пора мне...

Явление 21

Входит Беклемишев, здоровается, целует Рославлевой руку.

Рославлева (*тихо*). Милый! (*Громко Зорину.*) Александр Сергеевич, куда же вы? Позавтракаем.

Зорин. Нет... ночь всю писал – с поездом отправлять рассказ надо, а конец еще в голове... Да и какой я вам компаньон? Только завтрак весь испорчу... Я ведь циник: всю иллюзию разобью... Когда тридцать лет пишешь... Где я шапку свою дел?... Я и дочери своей говорю: бери лучше правофлангового в мужья, чем писателя, – какой муж писатель? Иллюзий никаких, ночь пишет, днем или с друзьями по трактирам пропадает, или спит, и при всем этом хорошо еще, если через несколько лет после свадьбы не примется за пополнение пробелов по части женской души... (*Показывает на Беклемишева.*) Вот кого зовите: рыцарь без страха и упрека...

Босницкий. Тот рыцарь, который стоит перед малюткой гор. (*Показывает Рославлевой на Беклемишева.*)

Так целуй его смелее
И смотри, ребенок мой,
Рыцарь духа пресвятого

В этот миг перед тобой.

Рославлева. *(всплескивая руками).* Владислав Игнатьевич!..

Босницкий *(слегка смущенно).* Художник не рыцарь? Благороднейший из всех рыцарей... как Данте определяет художника: «Io mi son uno che quando amore Spiro noto in quel modo dei detta dentro, vo significando».

Зорин. Ходячая энциклопедия... Переведите хоть.

Босницкий. «Я так создан, что мною руководит, любовь, и что она мне диктует, то я и пишу». Художник! Он любит, боготворит все то, что жизнь. Это его храм, где все тянет его с неотразимой силой... Все старо в этом храме, как мир, и ново, как тот луч, который играет в том разноцветном фонаре... Ребенок и мудрец – два вечных естества художника...

Зорин. Поэтому вы и предлагаете целовать его? Че-ерт! *(Машет рукой, кланяется и уходит.)*

Рославлева *(вдогонку).* Александр Сергеевич, оставайтесь завтракать.

Зорин *(не поворачиваясь, отрицательно мотает головой, идет, слегка волоча ногу).* Было время... *(Уходит.)*

Явление 22

Босницкий. Этот Зорин всегда бесит меня. Ведь большой талант в сущности, очень тонко наблюдает жизнь и по-

нимает – мог бы развернуть картину (*делает соответствующий жест*), а что в его писаниях? Шаблон, мораль, никуда не годная психология... В жизни сам поцелуется без всякой психологии, и в этом и будет психология, а на бумаге такую канитель разведет...

Явление 28

Входит слегка выпивший князь. Беклемишев делает нетерпеливое движение и сухо здоровается с князем.

Беклемишев (*отходит с Рославлевой к сцене, тихо*). Вы хотели, кажется, сегодня никого не принимать.

Рославлева (*тихо, испуганно*). Я не виновата.

Явление 21

Входит лакей, подает Рославлевой карточку.

Рославлева (*берет карточку, быстро бросает ее на стол и смущенно закрывает лицо*). Ах, ах, ах! (*Торопливо, испуганно лакею.*) Никакого ответа не будет.

Лакей уходит.

Явление 25

Босницкий берет карточку.

Рославлева (*быстро хочет отнять у него*). Нельзя, отдайте. Я уйду, если не отдадите.

Босницкий (*обиженно*). Да извольте, извольте.

Князь. Точно никто так и не догадается, – от мотылька, конечно.

Беклемишев (*в сторону*). Это еще кто? (*Громко, сдержанно.*) Это кто?

Рославлева (*растерянно*). Я здесь ни при чем.

Босницкий (*Беклемишеву*). Понимаете...

Рославлева (*кричит*). Не говорите, не говорите.

Неловкое положение. Беклемишев угрюмо смотрит в тарелку.

(*Босницкому, решительно.*) Говорите.

Босницкий (*князю*). Вы, кажется, лучше знаете.

Князь. Я ничего не знаю: у меня болит голова. (*Уходит.*)

Явление 26

Рославлева (*Босницкому*). Говорите же.

Босницкий. Ну, одним словом, какая-то глупая маскарадная история, и с тех пор целый эскадрон воинов, с этим мотыльком саженого роста во главе, осаждает.

Рославлева. Я им никакого, никакого повода не подала. Это было три недели назад: разговаривала в маскараде, – все разговаривают, проводили мою карету до подъезда, узнали мой адрес и с тех пор не дают покоя; чем я виновата? (*Беклемишеву*.) Пишет, что внизу ждут меня завтракать...

Явление 27

Лакей (*входит, смущенным голосом*). Они здесь – просят на два слова. (*Уходит*.)

Явление 28

Рославлева (*растерянно*). Господи! (*Вдруг плачет*.)

Беклемишев (*сурово*). Вы хотите выпроводить их?

Рославлева. Конечно. Это было пустое кокетство, но теперь я не хочу, не хочу, не хочу!..

Беклемишев. Вы позволяете мне переговорить за вас?

Босницкий. Ну, что там еще?! Прогнать их через лакея.

Беклемишев (*Рославлевой*). Можно?

Рославлева. Я боюсь.

Беклемишев (*сухо*). Пожалуйста, не бойтесь. (*Идет к двери.*)

Босницкий. Все уж пойдем тогда.

Беклемишев (*холодно*). Зачем? Выйдет, что струсили. (*Уходит.*)

Явление 29

Босницкий. Глупая история: дуэль выйдет.

Рославлева стремительно бросается к двери. Босницкий тоже встает, в дверях появляется Беклемишев.

Явление 30

Рославлева. Ну?!

Беклемишев (*идет к сцене, сухо*). Ушли и больше не придут.

Рославлева. Но что же вы им сказали?

Беклемишев.... Сказал им, что здесь живут совершенно порядочные люди, – они извинились и ушли.

Рославлева. Ах, я так, так, так благодарна... Я такая глу-

пая: я не должна была вас пускать...

Беклемишев (*морищится*). Почему?

Рославлева. Вы писатель, и вдруг из-за меня...

Беклемишев (*недовольно*). Ну, что там еще!..

Босницкий. А если бы не так благополучно кончилось? И вдруг дуэль? Писатель Беклемишев и известный скандалист маскарадов...

Беклемишев. Конечно, это было бы глупо...

Босницкий. Да, да... Но мне все-таки пора... (*Подходит к Рославлевой, иронически целует ей руку, дружески жмет руку Беклемишеву и уходит.*)

Беклемишев провожает его.

Явление 31

Рославлева одна.

Рославлева. Боже мой, боже мой! Что он подумает обо мне? Что мне делать?

Явление 32

Беклемишев входит.

Рославлева (*испуганно, ласково обнимая Беклемишева*). Милый мой... У тебя что-то есть на душе? Конечно, я знаю,

что все эти... Но я сейчас тебе объясню, как все это вышло.

Беклемишев. Какое я право имею?..

Рославлева. Ты? Какое право? Право жизни и смерти.

(*Решительно.*) Милый, ты никогда меня не будешь знать, если не узнаешь мою историю. Я тебе все, все расскажу. Ты всегда так упорно отклоняешься, но ты должен, должен меня выслушать; особенно теперь, когда мне все так ясно, все... Милый, позволь...

Беклемишев (*нехотя*). Расскажи.

Садятся.

Рославлева (*оживленно*). Слушай... Помнишь, я тебе как-то шутя, на твой вопрос: откуда я? – ответила: «Я спустилась на землю на лунном луче»?.. Ты знаешь, я действительно сошла с луны в том смысле, что я не понимаю ничего в человеческих отношениях... Говорят, надо так, а не так, – надо лгать, надо притворяться... я не понимаю этого, я не могу. Я и хочу, как другие, и всегда все выходит как раз наоборот. Я просто какая-то, верно, проклятая... Вначале я мечтала о подвигах и жертвах, а что вышло из всего этого? Я бросила дом, общество, ушла на курсы. Я не могла поступить на высшие курсы, потому что умела танцевать, ездить верхом, говорить на четырех языках, умела носить парижские

платья, но диплома у меня не было. Я была на курсах сестер милосердия... Там я и познакомилась с моим будущим мужем, – он кончал тогда университет, – у него были красивые глаза, он все сидел и молчал, только смотрел, когда другие говорили. Мне казалось, что он молчит потому, что больше всех их знает... он молчал потому, что он дурак был, полное ничтожество, которое я презирала уже, когда шла с ним под венец.

Беклемишев. Зачем же шла?

Рославлева. Да ведь дура же, милый, дура была: жалко было. Год была невестой, обещала, совестно было обмануть... Думала, что замужество отворит мне какие-то двери... Ты слышал, вероятно, говорят: «Девушке ничего нельзя, девушка стеснена, а замужняя женщина свободна...» Этой свободы я и добивалась... Ах, Борис! Как ужасно жить с тем, кого ненавидишь. Я ходила за одним больным, у которого все тело было покрыто ранами; я мыла эти раны... воздух ужасный, ужасный, – но это было счастье в сравнении с тем стыдом, позором, которые я испытывала с мужем... Борис, ведь я пошла за него глупой восемнадцатилетней девочкой. Что я знала? Я сделала страшную ошибку, промах, и за что, сделавши этот промах, я – уже, когда поняла это, взрослая уже, не могла, не имела права исправить своей ошибки? Он бил меня...

Беклемишев. Бил... за что?

Рославлева. Я изменила ему... я думала, что хоть этим

отделаюсь от него, я просто обезумела... я ненавидела, я презирала его, себя, всех, общество, это ужасное провинциальное, маленького городка, общество, я хотела всех сразу побить, растоптать, доказать, что лгут же они, что я не раба, что меня нельзя, как вещь, считать своей... показать этому, который, ни на что не способный, жил на мои средства и все время только караулил меня... (*Упавшим голосом.*) Когда я объявила ему, что изменила, я думала, что он меня оставит... А он бил меня, и, когда я убежала, не дал даже паспорта, – он мне и теперь не дает... я живу так как-то... Мало того, он подал прошение, чтобы наложили на меня опеку, чтоб его назначили опекуном. Он на коленях стоял перед губернатором и плакал, и вот теперь идет следствие: жандармы опрашивают всех... грязь, гадость...

Беклемишев. Но что ж делал тот... с которым ты изменила? Почему он не заступился?

Рославлева. А-а! Я только тем и спаслась, что сбежала в распутицу, – проехала так пятьсот верст и больше никогда уже никого из них не видела... Я приехала в дом моей тетки, больше некуда было, – я тебе рассказывала, какой ужасной смертью умерли папа и мама. (*Вздыхая.*) Это такой нелепый дом у тетки... Книжки читают либеральные и ездят по монастырям, помешаны на приличии, на блеске, и рядом с этим и ночные похождения и такая грязь... Но чтоб никто ничего не знал... Все, конечно, знают. Официальное знакомство со всеми, но свой интимный кружок: дураки, пошляки, – вот

князь из их общества... И я не лучше, конечно, их была... Мне было девятнадцать лет, я устала и просто решила жить и махнуть на все рукой: решила, что все это только книжная фантазия, там все эти какие-то другие люди, – все негодяи, и всем только надо одного... Два года я жила такой жизнью...

Беклемишев (*с усилием*). Не стоит касаться ее... Мне необходимо только... Скажи: какую роль играл Босницкий во всей этой истории?

Рославлева. Милый, это наивно, это глупо, ты будешь смеяться, но, клянусь тебе, только потому, что и этот обещал мне какой-то выход.

Беклемишев (*с горечью*). Тебе, что ж, представлялся этот выход как? Отворить какую-то дверь, и выход готов?

Рославлева (*ломая руки*). Боже мой! Всю, всю жизнь я отдала бы теперь, только бы не было со мною всего этого... Я должна все, все рассказать тебе... Слушай, Борис, самое ужасное... О-о... (*Закрывает лицо руками.*) Не только с Босницким, но и с князем...

Беклемишев. Довольно, Наташа.

Рославлева (*смотрит, широко открыв глаза, устало, равнодушно*). Если бы их было еще больше... чем больше, тем лучше... Я топтала себя, хотела совсем втоптать, задохнуться в грязи, хотела довести себя скорее до отчаяния, я напивалась, потому что иначе не могла их выносить, и не могла их выгнать, чтобы не остаться одной. Я хотела конца и боялась его до безумия... Я просыпалась, думала о смерти и

думала, как бы скорей опять пришла ночь, чтобы напиться и ничего не помнить, чтоб все как-нибудь само собой пришло к роковой развязке... И вместе с тем я делала беспечный вид какой-то львицы... Ты видел, милый, что это за жизнь?.. Когда я увидела тебя, известного писателя и вместе с тем такого простого, деликатного, настоящего доброго, ласкового человека, когда ты вдруг предложил мне тогда выслушать и сказать свое мнение, перед тем как отдать в редакцию твой рассказ, я не знала, что со мной случилось, но я знаю, что я полюбила тебя навсегда, на всю жизнь... Ах, я почувствовала такую радость, точно я стала опять маленькой, счастливой и мне снится какой-то чудный, забытый сон... (*Прячет голову и плачет; некоторое время длится молчание; быстро спохватившись, смотрит на Беклемишева с ужасом.*) Милый, что с тобой? Ты не хочешь на меня смотреть, ты меня презираешь?..

Беклемишев (*с усилием*). За что ж мне презирать тебя? Все это, конечно, так понятно... Но какое я имею право?.. Нам надо, Наташа, серьезно поговорить... Ты прекрасна, молода; эти две недели прошли, как сон какой-то... Но, Наташа... так же не может продолжаться... Я не обманывал тебя... если бы я был свободен.

Рославлева молча, страстно целует руки его и платье.

Там, в деревне, жена, мои дети... Наташа, мы не будем ни

оправдывать, ни обвинять себя... Все это так неожиданно, так неотразимо вышло, – что об этом говорить?.. Но... Идти дальше? Там стена, Наташа, из живых людей. Рубить для выхода придется эти живые, ни в чем не повинные человеческие тела... С топором палача о каком счастье может быть речь?! Мы хотим самых тонких красок, самых ярких цветов, самых нежных мелодий, самых чудных грез, – всего лучшего, что дает только жизнь, – хотим рая жизни... В цветах рая не должно быть запаха трупa, Наташа, а он будет, – и труп и искалеченная жизнь детей. *(Нервно встает и ходит.)* Чудовищно, эгоистично – и для чего это? – для счастья, которого при таких условиях все равно не достигнем.

Рославлева *(тихо, мертвым голосом)*. Значит, конец?

Беклемишев *(ходит, садится возле нее)*. Покажи выход.

Рославлева *(горячо)*. Боже мой! Боже мой! Твоя жена шесть лет испытывала счастье, полное счастье, – я две недели, и никогда больше, никогда, ни одного мгновения не была счастлива.

Беклемишев. Странный довод.

Рославлева *(с холодным отчаянием)*. Да, я требую невозможного от людей. *(Задумывается, быстро, но спокойно целует его платье, встает и уходит, в дверях на мгновение останавливается и с любовью смотрит на Беклемишева.)*

Явление 33

Беклемишев (*быстро встает.*). А-а! Вот где ужас жизни! Что делать? Побороть свое чувство, уйти навсегда, забыть, бросить ее, чтобы сорвалась еще раз, подтолкнуть в бездну? Но как же уйти, когда в душе сознание уже и своей вины и все то же впечатление ребенка, заблудившегося, который мечется, судорожно плачет от страха, от ужаса, оттого, что нет около нее тех, кого она хочет любить?! Она что-то задумала. (*Стремительно уходит за ней в дверь, быстро возвращается, держа ее за руку.*)

Явление 34

Беклемишев. Что ты хотела сделать? Если действительно меня любишь, скажи. (*Кричит.*) Наташа, да не будь же такая страшная... Говори, что у тебя в руке? Яд? Ты его приняла?

Рославлева отрицательно качает головой.

Как меня любишь?

Рославлева. Как тебя люблю... Но ты не можешь меня любить – пусти.

Беклемишев (*удерживая ее*). Постой, постой, Наташа. Я люблю тебя, но не в этом дело... Твое увлечение мной, конечно, пройдет, ты встретишь более достойного человека и, главное, свободного...

Рославлева. Никогда!

Беклемишев. Хорошо... Наташа, для меня ты чиста, как голубь... Наташа, я люблю тебя, и все-таки, несмотря на это, час назад никакие силы не удержали бы меня... Наташа, теперь я понимаю иначе свой долг, – я буду возле тебя, пока я тебе нужен.

Рославлева. До могилы, Боря...

Беклемишев. Хорошо. Но, Наташа... Ты видишь меня: факты налицо, и что мне распространяться перед тобой о своей добродетели! Я утешаю себя, что я художник, что мне надо знать душу человеческую. Но однажды я попробовал признаться жене в одной глупости, в сущности пустой истории. Жена – прекрасный, чудный человек, выше этой женщины нет на земле, – она поняла все, но просто организм не вынес, и она год была между жизнью и смертью.

Рославлева. И она простила тебе? Вот это и была ее ошибка. Она не должна была прощать.

Беклемишев. Но она не простит, когда узнает, что ее совсем заменили... Наташа, она – мать моих детей, – умрет она, умру и я. Я не мог бы жить с сознанием, что я палач.

Рославлева. Ты просто любишь ее.

Беклемишев. Не в этом дело, Наташа... Я связан обстоя-

ательствами, которых нельзя уже нарушить. Я могу отдать тебе только то, что свободно во мне, и при условии, конечно, скрывать.

Рославлева (*вздыхает*). Милый мой, я на все согласна: возьми меня к себе в служанки.

Беклемишев. Наташа, зачем ты так говоришь?!

Рославлева. Но разве я могу теперь жить без тебя?! Я твоя раба и буду до могилы рабой.

Беклемишев (*нехотя*). Так недавно мы сошлись... Я не сомневаюсь, что все, что ты говоришь, правда, но, понимаешь, так еще рано говорить...

Рославлева. Понимаю, милый. Делай, как хочешь...

Беклемишев. Мне кажется... Я меньше всего хочу отворять какие бы то ни было двери выхода, но жить так, одной только любовью, – это значит... ну, играть на одной струне, стоять на одной жерди над пропастью, когда можно настлат прочный пол.

Рославлева. Ты хотел бы, чтобы я меньше тебя любила?

Беклемишев. Я хотел бы, дорогая моя язычница, чтобы любовь твоя сделалась более христианской, чтобы через меня ты пополнила свою жизнь, полюбила людей, общество, его интересы...

Рославлева. Милый, ты называешь меня язычницей... Конечно, как язычница, я ненавидела делавших мне зло. Хорошо, я буду христианкой. Что я могу дать обществу?

Беклемишев. Оценка твоя, конечно, как члена обще-

ства, теперь ничтожна.

Рославлева (*тихо*). Даже без паспорта...

Беклемишев. Паспорт найдем. Я пойду к этому негодяю рабовладельцу и поставлю ему вопрос ребром: не захочет добром, – двое нас не выйдут из комнаты.

Рославлева. И если не выйдешь ты – все кончено для меня, – а его, конечно, оправдают, и он получит еще и мое состояние. Милый, за него все, вся правда земли; оставим его жить... Если б я сделалась и самым идеальным даже членом общества, то что общество даст мне?

Беклемишев. Наташа, я хочу только сказать, что, если ты хочешь любви, основанной на уважении...

Рославлева. Общество нам, женщинам, оставляет только любовь, и то рабскую. Я и хочу только любить... как раба...

Беклемишев. Наташа... Ты говоришь о моих способностях, о писанье, об уме... Кажется, ты гордишься мной?..

Рославлева. Страшно горжусь.

Беклемишев. Я тоже хочу тобой гордиться. Мое уважение уже принадлежит тебе, конечно, но надо уметь завоевать уважение и других.

Рославлева (*покорно*). Хорошо. Я сделаю все: с чего начать?

Беклемишев. С чего хочешь... Познакомишься, согласишься и решишь сама. А теперь вот что: давай мне эти проклятые порошки, – что в них?

Рославлева. Какой-то сильный яд, – смерть легкая, с

бредом.

Беклемишев. Откуда они у тебя?

Рославлева. Это один доктор... Я каждый вечер, засыпая, все хотела принять этот яд на другой день и не в силах была, а сегодня так легко приняла бы, потому что возвратиться к прежнему я не могла бы... *(Бросается на шею Беклемишеву.)* Боря, Боря! Мой бог, мой спаситель!

Беклемишев хочет бросить коробку в камин.

Не бросай... Когда я тебе надоем, – отдай мне эти порошки. Не бросай, как меня любишь... *(С упреком.)* Ты боишься... значит, ты разлюбишь меня?..

Беклемишев. Хорошо, я не брошу.

Она идет с ним к столу радостная, счастливая.

Занавес

Действие второе

Столовая Беклемишевых в Петергофе. Открыта дверь в детскую.

Явление 1

Голос из детской девочки двух лет (*раздельный, каким говорят, когда знают только одно-два слова*). Папа! Папа!

Голос няни. Папа, папа, – скоро приедет, привезет Валечке много игрушек.

Голос Али (*больной, капризный*). Я хочу, чтобы папа уже приехал.

Голос Беклемишевой. Папа скоро, скоро приедет: уже едут с вокзала. Не стой на кровати, а то ножка заболит опять.

Голос Али. Иди – смотри в окно и скажи мне, когда увидишь папу.

Явление 2

Входит Беклемишева и задумчиво становится у окна.

Голос девочки (*из детской.*) Па-па! Па-па!

Голос Али. Уже едет?

Беклемишева. Нет. Но вот уже едут с вокзала.

Голос Али. Скоро едут?

Беклемишева. Скоро, скоро.

Слышен шум проезжающих экипажей.

Голос Али. Это папа?

Беклемишева. Нет.

Новый шум.

Голос Али. Папа?

Беклемишева. Нет.

Голос Али. Когда папа?

Беклемишева (*печально смотрит в окно*). С следующим поездом приедет папа.

Звонок.

Голос Али (*радостно*). А видишь – папа!

Беклемишева (*с горечью*). Это дядя Зорин.

Голос Али (*раздраженный*). Я не хочу его, не води его
КО МНЕ.

Явление 3

Зорин (*жмет Беклемишевой руку*). А Бориса Павловича нет?

Беклемишева (*овладевая собой, приветливо*). Нет, не приехал еще.

Зорин. Он хотел, кажется, сегодня приехать?

Беклемишева. Да, хотел... Садитесь.

Зорин (*садится, добродушно*). А я гулял и зашел... Аккуратность, впрочем, не его добродетель. Чем-нибудь увлекся, по обыкновению... По доброте, конечно... он ведь очень добрый?

Беклемишева. Если Боря не добрый, то кто же добрый?

Зорин (*добродушно*). Кхе... Но поручиться за него все-таки нельзя. Может быть, теперь он уже плывет где-нибудь на трембаке критян спасать.

Беклемишева (*рассеянно*). Что такое трембака?

Зорин. Гнилая лодка, на которой греки в бурю контрабанду возят. Непременно в бурю, чтобы обмануть бдительность пограничной стражи. Легко быть отважным на громадном пароходе, рисоваться перед дамой своего сердца героем-моряком, а вот я посадил бы такого героя в трембаку в бурю, в открытом море... И, заметьте, на коммерческой почве все это проделывается. А так, без коммерции, – что такое грек? – трус.

Беклемишева. Но какой ни увлекающийся Боря, но и вы, думаю, согласитесь, что хоть телеграмму, а прислал бы он.

Зорин. Телеграмму? Пожалуй. А может быть, интересную барыньку встретил? Писатель, да еще импрессионист, – человек не принципиальный: поручиться нельзя. Хотя Боборыкин и говорит, что русские мужчины честнее, что у них нет, как у французов, потребности в женской грации, ласке, потребности обладания, – но полагаться на это все-таки не советую... Тем более – импрессионист... Вы не ревнивы, конечно.

Беклемишева. Надеюсь...

Зорин. Че-ерт! И моя жена надеется. А попробуй я лишних пять минут посидеть с чужой дамой... Ведь для образованной женщины ничего обиднее нельзя сказать, назвав ее ревнивой. Как! Она, изучившая и физиологию и психологию, вдруг станет, как и последняя пустышка, получившая свое образование в гостинице, – ревновать?! Вы ведь думаете, что ваше образование делает вас совсем другим человеком...

Беклемишева (*сухо*). Я ничего не думаю.

Зорин (*добродушно*). Обиделись. Че-ерт! Я свою жену раз десять на день доведу до белого каления... Когда тридцать лет пишешь, так уж перестаешь видеть людей так, как смотрят на них в обыкновенном обществе: это вот Иван Иванович, а это Семен Семенович... Для меня и Иван Иванович и Семен Семенович – это уж книги все по тому же предме-

ту, – разных только авторов, – и как не заглянуть в эту новую книгу...

Беклемишева. Все зависит здесь от манеры заглядывать.

Зорин (*кивает головой*). Боря, например... Впрочем, Борю я оставлю, чтобы еще больше не рассердить вас... Здесь ведь у женщин тоже особая логика. Заговори я с вами о ком хотите, и ваше критическое отношение, ваша эрудиция будут при вас, и вы отлично разберетесь. Но если затронул моего Борю, – моего!.. Мой Боря бог, мой Боря гениальный писатель, безукоризненный общественный деятель. Заметьте: образованная женщина, которая отлично сознает, что от Бориной славы ей ничего не перепадет, потому что Боря и она – совершенно друг от друга отличное... Но случись вдруг, что мой Боря перестал быть моим: куда полетит и бог, и гений, и общественный деятель!

Беклемишева (*спокойно*). У меня никуда не полетит, и все останется там же, где и было...

Зорин. Да, говорите... А любовь – так уж любовь, никем не изведенная, и смерть, обнявшись, в одном гробу?.. Че-ерт! У меня всегда является желание таких влюбленных, ищущих смерти, вместо яду напоить касторкой и затем поселить обоих на двух необитаемых островах: ее с самым ненавистным, но молодым, его с самой ненавистной, но тоже молодой. И как вы думаете, через тридцать лет во сколько человек разрослась бы колония на этих двух островах?

Беклемишева. Я вам откровенно скажу, Александр Сер-

геевич, я очень уважаю вас, как одного из самых лучших наших писателей, и люблю ваши сочинения, но не люблю и не могу совершенно примирить таких ваших разговоров с тем возвышенным, что привлекает в ваших писаниях.

Зорин (*весело*). Че-ерт! Попробовал бы я в своих писаниях так писать, как говорю: вы бы первая, несмотря на то, что читаете очень и очень много, моих книг в руки не взяли бы.

Беклемишева. Не взяла бы... Я хочу подъема, хочу идеалов...

Зорин. И потому не хотите смотреть себе под ноги?

Беклемишева. Грязи не хочу.

Зорин. Да не грязи же, а сознания не хотите: требуете тумана и называете это идеалом... даже образованная... Нет ведь консервативнее элемента, как ваш брат – женщина.

Беклемишева (*заглядывает в детскую, про себя*). Уснул...

Звонок.

Это с нового уже поезда. (*Быстро заглядывает в окно, разочарованно.*) Санин... Маша, звонят.

Горничная проходит.

Зорин (*неловко, быстро вставая*). Ну, я пошел... Вот я какой: уважаю, вашего шурина во как, но заставь меня в его

чистенькой, аккуратной, где все на месте, квартире, – не то чтобы век, – день за него прожить, день – и я повесился бы! Ведь он так живет, что знает все: когда встанет, когда ляжет, когда займется, и сегодня и завтра... до гробовой доски.

Беклемишева. Но это честнейший человек, и с ним ничего не может непредвиденного случиться.

Зорин. Он лучше Бори?

Беклемишева. Боря художник.

Зорин (*жмет руку, уходит, слегка волоча ногу, качает головой*). Художник!.. Понимать только это слово надо.

Явление 4

Беклемишева одна, стоит и грустно смотрит вслед Зорину. Санин входит.

Беклемишева. Бори нет с этим поездом?

Санин (*здороваясь*). С этим поездом нет его.

Беклемишева растерянно садится на стул.

(Быстро, большими шагами, наклоняясь вперед, ходит по сцене; напряженно, успокаивая.) Ну что ж? Задержало что-нибудь... *(Увидев вдруг головой уткнувшуюся в спинку стула и тихо плачущую Беклемишеву, испуганно, с болью, нерв-*

но.) Но, но?! Вы такой молодец... (Бодрясь.) Кураж! ²

Беклемишева (тихо, не поднимая головы, тяжело). Такая тоска. Все одна, одна... Перевез нас сюда, потому что думал жить здесь, а все ездит и ездит где-то... Эти рассказы о Рославлевой, издевательства Зорина...

Санин нервно, беззвучно, с отчаянием закидывает руки, смотрит на Беклемишеву. Звонок.

(Быстро оправляется, пробегающей горничной, убито.)
Маша, меня дома нет.

Явление 5

Входит Беклемишев, за ним улыбающаяся горничная.

Беклемишева (быстро, радостно). Боря, дорогой!

Горячо обнимаются.

Няня (с маленькой дочкой выглядывает из детской). Это папа.

Девочка испуганно уходит в детскую.

² Мужайтесь! (франц.).

Санин (*целуясь с Беклемишевым, весело*). Стыдно, дети не узнают...

Слышен сонный, радостный голос Али: «Папа!»

Беклемишев (*весело*). Узнают все-таки. Иду, мой мальчик! (*Быстро идет.*)

Беклемишева (*идет за мужем*). У него все ножка.

В дверях детской появляется полураздетый мальчик.

Аля (*от восторга смеется детским басом*). Ты приехал?!

Беклемишев подхватывает его на руки, мальчик ручонками сжимает щеки отца.

Ты приехал? Ты приехал?

Беклемишев с Алей и Беклемишева уходят в детскую.

Явление 6

Голос няни. Это папа, папа.

Санин (*ходит большими шагами по сцене, наклоняясь вперед*). Дети не узнают! Теперь прикрутим голубчика! (*Про-*

должна озабоченно ходить.)

Пронесят пакеты с игрушками.

Голос Али. Это игрушки?

Беклемишев. Игрушки, мой милый мальчик.

Беклемишева. На юг надо летом.

Беклемишев. Да, непременно. Это тебе, это тебе... это, а это тебе, моя маленькая, и это...

Явление 7

Беклемишева (*входя под руку с мужем, ласково*). Нет, постойте, счастье мое, я теперь за вас примусь... Вы когда выехали из деревни?

Беклемишев (*смущенно*). Что?

Беклемишева. Я телеграфировала управляющему, потому что вы сами стали безбожно молчать. (*Грустно.*) Не то, что прежде... Он ответил, что ты выехал из деревни двадцать седьмого: три дня, – значит, ты приехал вчера.

Беклемишев (*смущенно улыбаясь*). Но я приехал сегодня. Совершенно верно: я выехал двадцать седьмого, – но я провел сутки в Москве.

Беклемишева (*весело*). Зачем?

Беклемишев. По делам редакции.

Беклемишева. Это верно?

Беклемишев. С каких пор ты перестала мне верить?

Беклемишева. Верю, конечно. Но, миленький мой, об этой Рославлевой и о вас мне так прожужжали уши, что, наконец, и я начинаю не на шутку...

Беклемишев (*полусерьезно*). Нет, хоть уж ты не начинай...

Санин (*на мгновение останавливаясь, с горечью, но глядя вызывающе*). А кому же, как не ей?!

Звонок. Пробегают горничная.

Беклемишев. На меня уж не раз ополчались, но до сих пор она не поднимала оружия...

Беклемишева (*горячо, с отвращением*). Так и до могилы, конечно, не подниму.

Явление 8

Горничная (*в дверях*). Анна Николаевна приехала.

Беклемишева (*огорченно*). Я же сказала тебе не принимать.

Горничная с озадаченным лицом смотрит.

Беклемишев (*с досадой*). Я не выйду.

Беклемишева (*горничной*). В гостиную проводи ее. (*Ухо-*

дя, Беклемишеву.) Я сейчас приду.

Явление 9

Беклемишев (*кивает ей головой, Санину*). Как поживаете?

Санин (*смотря в упор на Беклемишева*). Я ведь вчера вас видел в городе.

Беклемишев (*быстро*). Пожалуйста, только не говорите.

Санин (*продолжая ходить, качает головой*). Ах, Боря, Боря! (*С горечью.*) И все будет утверждать, что между нами только приятельские отношения... Комик вы... Себя, семью, родных оскорбляет, унижает, и даже не хочет этого замечать. (*Смеется нервным тяжёлым смехом, ходит, не смотря на Беклемишева, хлопает себя по ляжкам, качает головой.*) Комик, комик... (*Возмущенно, с достоинством.*) Но, если я имею право, как ваш друг, друг вашей семьи, ваш родственник наконец, я спрошу: когда же конец (*решительно трясет головой*) всей этой грязной истории с этой женщиной, которая иссушит ваш мозг – вы уже ничего не пишете, – ваше тело – вы уже старик, – разобьет жизнь этих всех?! И это Беклемишев – надежда, общественная сила?! Через год это будет изолгавшаяся жалкая тряпка в руках этой...

Беклемишев (*с горечью*). Ваня, ограничьтесь мной и не касайтесь того, кого не знаете.

Санин (*энергично*). Знаю, видел: не оставляет ни в ком

сомнения, кто она.

Беклемишев (*горячо*). Стыдно, Ваня. (*Устало*.) Сейчас жена может прийти... Я буду у вас, и обо всем поговорим. Но, Ваня, если не хотите чего-нибудь страшного, ради бога, не затрогивайте при ней.

Санин (*грустно*). Да уж, конечно... Эх, Боря, Боря, думал я, что вы больше мужчина.

Беклемишев. При чем тут мужчина?

Санин. Мужчина, муж так мелко врать не станет, Боря.

Беклемишев (*нервно*). Ваня, да что ж вы, ей-богу?! Лучше, по-вашему, если бы я сказал правду и завалил сразу все здесь могильным камнем?! Ну, а эти на кого останутся?!

Санин (*с отчаянием*). Неужели же так далеко зашло?!

Беклемишев (*мрачно, нехотя*). Людям не распутать – только все погубить могут... (*С порывом отчаяния*.) Оставьте все мне: я все на себя взял – я лгу, я изоврался и изолгался, – хорошо... (*Страстно*.) Но легче, легче умереть... надо силу, чтоб жить... (*Ходит, успокоившись*.) Здесь одно время поможет: малейший неосторожный шаг...

Явление 10

Беклемишева (*входя, веселая, счастливая*). Анна Николаевна непременно хочет тебя видеть.

Беклемишев (*тоскливо*). Я к детям хочу.

Беклемишева. На одну минуту.

Беклемишев. Ну, хорошо, идем.

Идут: Беклемишева останавливается, обнимает и несколько раз горячо целует мужа; Беклемишев искренне ей отвечает такимитже поцелуями.

Явление 11

Санин (один). О-о-о! (Отчаянно машет рукой.) Нет, не могу, – сбегу. (Порывисто уходит.)

Явление 12

Входят Беклемишев и Беклемишева.

Беклемишева. Я загляну к детям.

Беклемишев подходит к окну. Входит Беклемишева.

Беклемишева. О чем ты задумался?

Беклемишев. Так... Весна нежная, прекрасная, зелень как паутина, в позолоте заката, горит даль и небо... Чудное мгновенье...

Пауза.

Наша жизнь такое же мгновенье, Маня... Я всегда думал, что может помешать мне в жизни?! Другие от природы эгоисты, – они сами уродуют свою жизнь... я не эгоист... нет больше для меня счастья, как видеть счастливые лица.

Беклемишева. Да, ты добрый... А между тем женочка ваша, мое счастье, все это время была такая несчастная... такая несчастная. Нет, нет, я не буду плакать... Мое солнце со мной, и нет больше мук... нет?

Беклемишев (*тихо, уклончиво*). Кто смутил тебя, Маня?

Беклемишева (*быстро*). Сердце мое смутило меня, Боря... Оно и теперь смущено.

Беклемишев. Маня!

Беклемишева (*быстро идет, затворяет двери детской, порывисто возвращается*). Боря, ты добрый, прекрасный! Большое счастье любить тебя... большое горе потерять тебя... но еще большее горе... быть обманываемой... Боря, не унижай меня... скажи... я найду силы... (*Бессильно садится на стул.*)

Беклемишев. Не обманывай себя: не нашлось бы у тебя сил. Да и не надо их. Я люблю тебя, Маня! Ты знаешь это... Могу ли я не любить тебя? Кто создал из меня художника, кто, когда никто, кроме тебя, еще не знал меня?.. Когда я в отчаянье рвал свое писанье, кто плакал, собирал клочки и склеивал их потом? Маня, как то солнце, как та весна прекрасная, так прекрасна ты в моем сердце!.. (*Дико.*) А-а!!

Беклемишева (*бросается к нему*). Боря, что с тобой?!

Беклемишев. Но это ужасно, Маня: я не могу жить без тебя, я люблю, люблю тебя, детей... а ты не веришь.

Беклемишева. Боря, верю, верю... Прости минутную слабость. (*Обнимает его.*) А, какое счастье!

Занавес

Действие третье

Богатый кабинет в квартире Рославлевой. За маленьким письменным столом с правой стороны сцены сидит Рославлева и переписывает. Она похудела, одета просто, в капоте, прическа простая, лицо озабоченное, печальное.

Явление 1

Рославлева (*кладет перо, задумчиво, устало*). Итак, переговоры с этим негодяем кончились ничем... Но он будет доволен моим письмом... (*Берет письмо и читает.*) «Невоздержанность и неустойчивость Вашего характера, возмутительные притязания, совершенное непонимание меня – обрисовались снова и вполне. Я отказываюсь от всех дальнейших переговоров – унижительных, где торг идет и выкуп из рабства. Твердо верю, что избавлюсь от Вас, величайшего несчастья моей жизни, и так и не достигнете Вы Вашей гнусной цели – завладеть мной и моим состоянием. Но если бы Вы и добились, то помните, хорошо помните, что этот день Вашего торжества будет для Вас же и страшным днем. Глубоко заблуждаетесь, если думаете, что будете иметь дело все с той же девчонкой, которую Вы могли запугивать, бить и нагло издеваться... Горько ошибетесь: Вы встретитесь с жен-

щиной, которая спросит у Вас отчет за свою разбитую жизнь. Никогда Вам не принадлежавшая, всегда искренне презиравшая Вас...» *(Вздыхает.)* А Бори все нет... *(Смотрит некоторое время перед собой, поправляет волосы, нагибается, смотрит на часы.)* Семь часов. Если и с этим поездом не приедет? *(С слабой иронической улыбкой.)* Обещал вместе завтракать... *(Плачет, быстро вытирает слезы и продолжает писать.)*

Явление 2

Лакей. Николай Иванович Алферьев.

Рославлева. Проси.

Явление 3

Входит Алферьев.

Алферьев *(жмет Рославлевой руку)*. Ну-с, я вам мешать не буду... Вы хотели знать, сколько будет стоить издание сборника? Я могу теперь вам ответить: очень даже дорого. А именно: если в десяти тысячах экземплярах, то три тысячи двести...

Рославлева. Я согласна.

Алферьев. Нет, вы не так сразу, – тут целое состояние.

Торопиться некуда: я зайду на днях, а вы подумайте.

Рославлева (*встает и идет к большому столу, отодвигает ящик*). Берите, сколько вам надо.

Алферьев (*машет обеими руками*). Что вы, что вы? Во-первых, пока еще ничего не надо, а во-вторых, к вам будут приходиться со счетами: за бумагу, типографию, брошюровку, – вы и будете тогда платить им.

Рославлева (*задвигает ящик*). Пусть приходят.

Алферьев. Вы что это пишете?

Рославлева. Драму Бориса Николаевича.

Алферьев. Интересно бы почитать.

Рославлева. Нет, нет, на сцене скоро пойдет.

Алферьев. Борис Николаевич прежде читал нам... Он где?

Рославлева. Уехал по делам.

Алферьев. Ну, так прощайте... Так я зайду?

Рославлева. Я ведь согласна.

Алферьев (*смеется*). Да вы что? Не хотите меня видеть больше?

Рославлева (*страстно*). Иван Васильевич! Вы знаете все! Когда Бори нет, я жду его и никого не могу видеть, – я могу только переписывать его работу, – когда он со мной, кто отнимает наше время, тот... самый ужасный эгоист.

Алферьев (*смеется*). Ну, хорошо, бог с вами... Прощайте. (*Жмет руку и уходит.*)

Рославлева (*вдогонку*). Не обижайтесь только на меня.

Алферьев (*в дверях*). Нет, нет, а надо будет – все-таки зайду.

Рославлева. Хорошо, только на минутку.

Явление 4

Рославлева. Боже мой, боже мой! А его все нет!.. (*Опять пишет.*)

Явление 5

Лакей (*подает карточку*). Господин Босницкий.

Рославлева (*читает*). «Одну только, одну минуту старому другу». (*Лакею холодно.*) Не принимаю. (*Берет перо и пишет.*)

Явление 6

Рославлева (*проводит рукой по лицу*). Как кружится голова... потому что я ничего еще не ела сегодня... Боря, милый, дорогой, скорей же приезжай, я не могу жить без тебя. Ах, ты будешь, будешь мой, мой, только мой! (*Энергично пишет.*)

Явление 7

Входит Беклемишев. Рославлева, на мгновение повернувшись, продолжает писать. Беклемишев подходит и молча целует ее волосы. Рославлева, выпрямившись, не двигаясь, автоматически смотрит перед собой. Беклемишев кладет шляпу.

Рославлева (*вставая, все с тем же движением автомата, спокойно*). Как ездил?

Беклемишев (*нехотя*). Ничего. Наташа, я никак не мог приехать раньше. (*Ходит.*) Санин третьего дня видел меня в городе.

Рославлева (*равнодушно*). Да? (*Порывисто, страстно.*) Я так, так ждала. Хотя бы телеграммой уведомил...

Беклемишев. Где же бы я телеграмму писал?

Рославлева (*после некоторого молчания, с тупым раздражением*). Что ж ты там все это время делал?

Беклемишев (*резко, нервно, возмущенно*). Странный вопрос: что я делал в своей семье!

Рославлева (*судорожно закусывая губы*). Ах, в своей семье?!

Беклемишев (*еще резче*). А в чьей же? Моя, конечно. (*С болью.*) Но не бойся, — я не наслаждался там: я видел горе моего друга, лучшего друга в жизни... Мой, мой бедный

больной мальчик плакал, моя маленькая дочка меня звала «папа».

Рославлева (*бледнея*). Что же ты дольше не остался? И зачем упрекаешь меня своими детьми? Да разве я их не люблю, хотя и знаю только по портретам?.. (*Ласково.*) А у Али ножка? Ты отдал ему мои игрушки?

Беклемишев (*нехотя*). Отдал. (*Проводя рукой по лбу, про себя, нетерпеливо.*) А-а! За что я эту оскорбляю? (*Ходит, успокоясь и пожимая плечами.*) Жена хочет с тобой познакомиться: она верит, что между нами ничего нет.

Рославлева (*неопределенно*). Ты ей хорошо врал.

Беклемишев (*нетерпеливо, сдерживаясь*). Если хочешь, скажи слово, и я перестану врать: я ведь устал, Наташа, правда для меня ведь только выход. (*Страстно.*) Мне ненавистна ложь!

Рославлева (*холодно*). Кто ж виноват в этом?

Беклемишев (*взбешенно, почти кричит*). Эх, Наташа! Не натягивай же струн, ты ведь не знаешь их предела! Дай передохнуть. Должен отдать тебе справедливость: у тебя сила, выдержка, требовательность, какой не встречал я. Все было пустяки для меня в жизни, не было, с чем я не мог бы справиться. (*Страстно*). Но если бы все, чего достиг, я сразу захотел бы, то и это легче было бы сделать, чем справиться с тобой... С виду ты только согласна как будто на все, но зачем ты все время выводешь свою собственную линию, и нужно дьявольскую силу, чтобы удерживать тебя от твоих

безумных стремлений ставить вопрос, во что бы то ни стало, ребром?!

Рославлева. Я?

Беклемишев. Ты, конечно! Кто афиширует, кто ставит так вопрос, что ни малейшего сомнения ни у кого не остается, где бы я с тобой ни появлялся, в каких мы отношениях?.. И моя ложь выходит только бесцельной, глупой, пошлой.

Рославлева (*тихо, с ударением*). Но ведь и я лгу, и ты знаешь, как тяжело мне лгать... И если все-таки все всем очевидно, то ведь и на меня что-нибудь падает... Общество охотно прощает мужчинам и очень требовательно к нам, женщинам... Впрочем, я что?

Беклемишев (*безнадежно*). Ну, как хочешь... Знай только, что я, как Игорь, привязан теперь к двум березам³, и, когда их распустят, они разорвут меня (*быстро, нервно вздыхая*), – они уже рвут меня...

Рославлева. И к обоим одинаково сильно привязан!..

Беклемишев. К обоим.

Рославлева. И к жене?

Беклемишев (*запальчиво*). Да что ты думаешь? Шесть лет жизни с идеальным, безукоризненным человеком, с человеком, которого – ты знаешь это, от тебя-то я ничего не скрываю – я обожаю, который остался моим лучшим другом,

³ ...я, как Игорь, привязан теперь к двум березам... – Имеется в виду Игорь, великий князь Киевский (ум. 945). По преданию, когда Игорь попал в плен к древлянам, они привязали его к двум пригнутым березам; когда деревья распрямились, Игорь был разорван надвое.

которому я обязан всем, всем, ничего не значит?! И я вдруг стану ее не любить? Для этого, милая, надо забыть все, что было... (*Зло, бешено стиснув зубы.*) Чтобы забыть, умереть надо – только труп ничего не помнит... Труп, труп, смрадный труп!!

Рославлева (*холодно*). И все-таки и меня любишь?

Беклемишев. Такую, как ты теперь, нарушающую все условия, на которых я сошелся с тобой, – ненавижу! Ненавижу тебя, язычницу, с такой я ничего общего не имею! Такой не хочу, не хочу!

Рославлева (*быстро подходит к Беклемишеву, прижимается и смотрит, не сводя глаз, испуганно на него; тихо, растерянно, дрожащим голосом*). Я боюсь тебя, я боюсь... (*Прячет голову у него на груди, потом опять так же смотрит.*)

Беклемишев (*нервно проводит рукой по лицу, стараясь смотреть ей в глаза, смущаясь, нервно*). Ах, боже мой! Значит, с тобой говорить серьезно совсем уж нельзя?

Рославлева (*испуганно, торопливо*). Нет, говори, говори.

Беклемишев. Ведь так же невозможно, Наташа! Что я зверь, что ли? Почему ты боишься вдруг меня? И у меня же нервы... Я лучше уйду...

Рославлева (*судорожно цепляясь за него*). Нет, нет! (*Испуганно.*) Я не буду, я не буду... не буду... не буду. (*Закрывает лицо руками, плачет жалобно и все громче.*)

Беклемишев (*с отчаянием*). Наташа, это ужасно. Ты на-

силуешь всю мою природу! (*Овладевая собой.*) Пойми, если я не в духе, если мои нервы не в порядке, наконец, я не могу ничего с собой сделать, – лучше всего оставлять меня, тогда я успокоюсь; а ты ведь требуешь, чтобы я был так же любезен с тобой, как и в первый день встречи. Перестань же наконец. Ты знаешь, я не выношу слез. Ну перестань же!

Рославлева (*все время плачет, но после его слов вдруг сразу стихает и несколько раз судорожно вздрагивает*). Милый, прости меня! Я злая, я мучу тебя, я требовательная, но я так безумно люблю тебя! Прикажи мне умереть, я умру, уйду с твоей дороги без слова жалобы. Милый, дорогой, так люблю! Боря, делай, что хочешь, – ездь сколько хочешь, будь в своей семье, – клянусь, клянусь моей любовью к тебе, я больше никогда ни в чем не упрекну тебя... Но чем же я виновата, что не могу делить тебя!.. (*Быстро опускается перед ним на колени, страстно, безумно целует его платье, падает в обморок.*)

Беклемишев. Наташа, Наташа!

Занавес

Действие четвертое

Картина I

Сцена представляет заднюю сторону кулис.

Явление 1

Беклемишев стоит, значительно осунувшийся, проходящий Зорин подходит к нему.

Зорин (*останавливается, тяжело отдуваясь*). Ну что ж, – успех... Есть, конечно, места... незнакомство со сценой, но, в общем, Беклемишев – художник, – это так... импрессионист, конечно, как всегда... но зато сам Беклемишев, че-ерт, совершенно несостоятелен... (*Добродушно усмехается.*) Удивительный вы мастер, право, сам запутывать свое положение: обеих жен в театр привел (*машет рукой*), ребенок какой-то...

Беклемишев. Жена одна, другая друг...

Зорин. Но друг-то сам считает себя женой...

Беклемишев. Но как же иначе?

Зорин. Да уж хоть формальность соблюдайте. Сидит у

Натальи Алексеевны!.. Ведь все знают... В какое же положение вы Марью Васильевну ставите? Не имеете права. И неужели вы думаете, что она так-таки ничего не понимает? Да и без того ее глупое, смешное положение перед всеми... И говорит, что друг... *(Качает головой.)* Не поздоровится от такого друга...

Беклемишев *(нервно, зло)*. Но что же делать?

Зорин *(нехотя)*. Да нельзя же и так. Сами ставите себя в безвыходное положение.

Беклемишев. Оно само создается – это положение.

Зорин. Перестал бы бывать.

Беклемишев. Не могу же я бывать там, где из-за меня не принимают Наталью Алексеевну. Хотя бы и у вас в доме. Как ни люблю я вашу жену...

Зорин смущенно поводит руками.

Я понимаю, но и я не могу, потому что и Наталья Алексеевна из-за меня несет жертвы...

Зорин. Н-да! Доложу вам, выкрутились вы на позицию... Ну, надо смотреть... Идите вы к Марье Васильевне в ложу. *(Уходит.)*

Явление 2

Беклемишев, облокотясь спиной о стойку, тяжело задумывается.

мывается. Входят Босницкий и Алферьев.

Алферьев (*показывая на Беклемишева*). Вот он.

Босницкий (*размашисто жмет руку Беклемишеву*). Ну что ж, успех? Mes compliments! ⁴

Алферьев. А я откровенно скажу: я не удовлетворен. Люди ломают копья на какой-то совершенно личной почве. Кому это интересно?

Босницкий. Вам бы какую-нибудь дьявольскую интригу из политической жизни: нищий там наверху, в мансарде, и управляет всем миром?

Алферьев. Начать с того, что миром управляют не нищие, а законы. И, следовательно, этот идеал политического деятеля пора бы и в архив сдать.

Босницкий. А, например, гауптмановские темы?

Алферьев. Да, интересно. Ну, да, впрочем, и не в этом теперь дело, – надо все-таки слушать... Мне вот только Борису Павловичу два слова сказать... (*Берет Беклемишева под руку.*)

Босницкий (*берет Беклемишева под другую руку*). В таком случае, виноват, я всего одно слово имею сказать Борису Павловичу. (*Отводит Беклемишева.*)

Алферьев (*качает головой, добродушно*). Экий нахал!

Босницкий. Послушайте! Нельзя так афишировать. Вы, может быть, подумаете, что я завидую тому, что вы може-

⁴ Поздравляю! (*франц.*).

те так свежо, с такой верой еще относиться к тому, что во мне вызывает только смех... Уверяю вас: не зависть заставляет меня говорить... Ну, конечно, вы там творческая сила, литератор, вам надо поднимать «проклятые вопросы»... вы создали до сих пор то, за что я не дам выеденной скорлупы яйца, а вы не пожалеете и жизни... Но выясните мне, что вы всей этой историей с Рославлевой, этой афишировкой хотите доказывать, и кому? По-моему, здесь нет почвы, и чем серьезнее вы будете доказывать, что она есть, тем смешнее будет ваше положение...

Беклемишев. Не все же негодяи...

Босницкий. Негодяи, конечно, не все, но скрытое от глаз не всякий видит, а то, что на виду, что подчеркивается, видят все и дорисовывает каждый по-своему... И этим вы, конечно, отдаете себя добровольно в руки любого негодяя... Но, и кроме негодяев, есть много тупых к чужим страданиям и даже охотников вышучивать... Я не понимаю, и никто не поймет... Не сердитесь: мне-то, конечно, все равно, а если и вам все равно, то что ж... Вам все равно?

Беклемишев. Все равно.

Босницкий. И прекрасно! Но все-таки идите в ложу к Марье Васильевне, потому что пьяный князь что-то напутал ей...

Беклемишев (*сухо*). Благодарю вас.

Явление 3

Входит Рославлева, Беклемишев и Алферьев отходят.

Рославлева (*встретясь с Босницким*). Как вам нравится?

Босницкий. Да, я уж поздравлял... Но вы, вы!.. Смотрели вы на себя в зеркало? На что вы оба стали похожи?

Рославлева. Это не важно!

Босницкий (*качая головой*). Не афишируйте.

Рославлева. Почему?

Босницкий. Общество все смотрит в глаза.

Рославлева. И пусть... И говорите своему обществу, тем, у кого корни в земле, – а я с луны... Я не умею лгать... У меня нет корней в земле...

Босницкий. Ваши корни в сердце любимого человека?

Рославлева. Только.

Босницкий. Знаете, кто вы?.. Орхидея.

Рославлева (*подумав, удовлетворенно*). Я люблю орхидеи.

Босницкий. Вы знаете свойство этого цветка?

Рославлева отрицательно качает головой.

Это чужеродное растение: оно вырастает на другом, исто-

щает то, другое, и само умирает.

Рославлева. Мне нравится... Я согласна.

Босницкий. Она согласна!..

Рославлева. Привезите мне орхидеи.

Босницкий. Но оторванная орхидея уже гибнет.

Рославлева. Не согласна (*наклоняется, смеется торжественно, весело*), – вдвоем!

Босницкий. Однако вы смутились возможности...

Рославлева. Я не могу смущаться: смерть ни перед чем не смущается.

Босницкий (*прощаясь*). Ну, так когда привезти орхидеи? Позвольте после театра... Ну что в самом деле, если стакан чаю с вами и Борисом Павловичем выпью? Борис Павлович к вам поедет, конечно?

Рославлева. Конечно. Хорошо, привозите. Только один стакан чаю...

Явление 4

Рославлева (*подходит к Беклемишеву, здоровается с Алферьевым, возбужденно Алферьеву*). Как вам нравится?

Алферьев. Я ведь профан; мне не нравится то, что на какой-то чисто личной почве люди ломают себе ноги.

Рославлева (*горячо*). Где бы вы ни поломали ноги, с поломанными ногами все равно вы уже никуда не годитесь.

Алферьев. (*смеется*). Ого! Я ведь и говорю, что профан.

(*Беклемишеву.*) Так когда?

Беклемишев. Завтра... часов в десять.

Алферьев. Там же?

Беклемишев. Да.

Алферьев (*Рославлевой*). Вот новость: завтра расскажу.

(*Беклемишеву.*) Тут из-за кулис можно смотреть?

Беклемишев кивает головой.

Явление 5

Рославлева (*осторожно оглядывается во все стороны, быстро, торопливо, порывисто обнимает Беклемишева*). Милый, милый, я не могу тебе передать, что делается со мной, как я счастлива! (*Замечая его угрюмый вид.*) Опять нервы?

Беклемишев (*напряженно, стиснув зубы*). Наташа, иди, милая, назад, ведь все знают, куда ты пошла.

Рославлева. Пусть знают!

Беклемишев (*раздраженно, нервно сжимает руки*). Да иди же (*овладевая собой, сдержанно*), ведь там же догадаются.

Рославлева (*порывисто*). А-а... (*Покорно, овладев собой.*) Иду, милый, не сердись на меня.

Беклемишев (*не смотря на нее*). Наташа, я буду сидеть в ложе жены.

Рославлева (*бросает гневный взгляд, так же покорно*). Хорошо, милый, прощай... (*Уходит.*)

Явление 6

Беклемишев. Идти к жене, и та и смотреть не хочет... Узнала, может быть, что-нибудь? А-а... (*Смотрит тупо перед собой; вдруг решительно.*) Никуда не пойду я – уеду. (*Быстро идет к маленькой выходной двери.*)

Явление 7

Проходят актеры, Алферьев, Босницкий, Зорин.

Зорин (*уныло оглядывается, Босницкому*). Беклемишев ушел? Не понимаю психологии этого человека... Совершенно он запутается.

Босницкий (*рассеянно*). Запутался в лесу орхидей... Герой, взявшийся за решение неизвестно какого вопроса... (*Уходит к другим.*)

Явление 8

Из маленькой двери, слегка спотыкаясь, входит князь, – грязный, волосы взъерошены, один ус вниз, другой вперед,

глаза мутные.

Зорин (*увидев, досадливо.*) А-а... (*Быстро идет к князю.*)
Послушайте: ну, разве можно в таком виде?

Князь (*равнодушно*). Побаиваюсь.

Зорин (*настойчиво*). Идите домой: вы не имеете права марать свой студенческий мундир.

Князь (*качнувшись*). Вы думаете? Вы думаете право марать принадлежит только вам, литераторам? Так ведь я свой мундир мараю, а Беклемишев и свой и своих двух жен. Тьфу! Я за Марью Васильевну в морду ему дам. Он не смеет ставить ее в такое положение: в одном доме сегодня ее не приняли, – это я наверно знаю, – потому что убеждены, что и она потакает. Это хорошо?! Ему бы и советовали мундир не марать... Проповедники!.. Тьфу!

Зорин (*торопливо, ласково*). Ну, идем, идем...

Князь (*идя с ним*). То-то идем... (*Вырывая руку.*) Пойдите, ведь я пропал... а не будь твоего Беклемишева, она, может быть, полюбила бы меня... Я ее ведь любил с пятнадцати лет. (*Плачет, все смотрят.*)

Алферьев (*тихо*). Дубина!

Зорин (*печально, увлекая князя*). Идем...

Занавес

Картина II

Кабинет квартиры Рославлевой. В полумраке, слабо освещенном догорающим камином, тонут предметы. В окна светит луна, вырисовываются белые мраморные статуи, голые ветви деревьев.

Явление 1

Беклемишев (*входит*). У-уф! (*Бросает шапку.*) Никого нет, слава богу! (*Берет со стола письмо, разрывает и читает следующее место громко.*) «Дело Натальи Алексеевны кончилось, к сожалению, не в ее пользу». (*Бросает письмо.*) А-а! И Зорин туда же. (*Ложится на кушетку.*) И все как один – выбирай! А если нельзя выбирать... (*Раздраженно.*) Выход?! Но нет выхода. (*Быстро встает.*) Бросить Машу, детей? Или эту, когда отрезал ей все в жизни, когда есть сознание, что висит над бездной, и для нее последняя веревка – я? А, проклятие? Надо лгать, если не хочешь быть чьим-нибудь палачом. И всякого прижать вот так, как меня, к стене, и ничего другого не придумает. И все понимают это и вместе с тем требуют. (*Ходит и снова ложится.*) Выход?! (*Приподнимается на локте.*) Но кто этот судья, который говорит мне: выбирай? Общество? Но при большей лжи, боль-

шем искусстве громадное большинство этого самого общества прекрасно обходит эту форму. И издеваются и в то же время требуют ее! Общество? Само несостоятельное, само запутавшееся в своих сетях, само создающее рабынь, живущих только одним. Но в таком случае и я не признаю приговоров этого общества. Это личное мое дело, только личное, и никто не смеет (*вскакивает*), не смеет совать свой нос. (*Быстро ходит, опять ложится, успокоенным голосом.*) Э! Пишите ваши приговоры, но власть подписать принадлежит только одной. А общество... Довольно, что для этого общества я работаю со всей правдой, со всей искренностью, на какую только хватает меня. (*Успокоившись.*) С обществом мы – квиты. (*После некоторого молчания.*) Теперь надо отдохнуть, надо нервную систему привести в порядок... Теперь все равно поеду за границу.

Явление 2

Рославлева (*быстро входя*). Боря, ты здесь?

Беклемишев (*весело*). Здесь. Иди ко мне.

Рославлева (*подходит радостно*). Как страшно! (*Становится на колени, целует Беклемишева.*) Эти белые статуи, как из склепов, смотрят в окно...

Беклемишев (*спокойно*). Оставь их, мирные тени прошлого. Милая моя! (*Гладит ее по голове.*) Я успокоился.

Рославлева. Неужели?! Ах, я так, так счастлива!..

Беклемишев. Я теперь всегда буду спокоен.

Рославлева (*кладет голову ему на грудь, тихо*). Милый...

Беклемишев. Это только мое, личное мое дело, и не перед людьми я буду в нем отчитываться. (*Гладит ее по голове.*)

Она порывисто целует его и опять кладет голову ему на грудь.

Измучил я тебя: ты похудела.

Рославлева. Ты измучил?! Это мученье?! Если бы ты резал меня и говорил: люблю, я стонала бы от счастья! Можно с тобой говорить? Я так боюсь неосторожным словом еще больше расстроить твои нервы.

Беклемишев. Говори, говори. Я вылечу свои нервы; твое дело с мужем проиграно, и следовательно мы едем за границу. Конечно, я буду возвращаться...

Рославлева. Боря, Боря?! За границу с тобой?! Ах, я сегодня так же счастлива, как, помнишь, в первый... Но нет, нет! Так больше, так больше! (*Вскакивает, бросается ему на шею.*) Ах, и в первый день нашей встречи... я так, так все помню.

Беклемишев. И я помню.

Рославлева. Ты помнишь самое первое мгновение... самое первое, когда ты в первый раз только посмотрел на ме-

ня?

Беклемишев. Помню, конечно.

Рославлева. Постой! В каком я платье была?

Беклемишев. В каком платье?!

Рославлева (*вскрикивает и смеется*). Милый, в этом!

Беклемишев. Неужели? Но ты тогда казалась такой нарядной... у тебя были гофрированные волосы...

Рославлева. Да, да. Какое я на тебя самое первое впечатление произвела?

Беклемишев. Ты вошла с Босницким: мне жалко тебя стало... И что-то потянуло к тебе... Сперва, когда Босницкий предложил представить меня, я отказался.

Рославлева. Почему?

Беклемишев. Слишком уж ты контрастом большим была на этом юбилее. Собрались люди своего лагеря, может быть, и суровые судьи современного строя и не очень справедливые, но натерпевшиеся, настрадавшиеся, а уж о материальном положении и говорить нечего, – собрались своим лагерьем праздновать свой семейный там праздник, и вдруг Босницкий, по своей бестактности, как мне тогда казалось, приводит туда человека другого совсем лагеря, в кружевах, надушенную и разряженную... Для чего?.. Может быть, для того только, чтобы потом в своем обществе осмеять то, что и понять не смогла? Но потом мне жалко еще больше стало и Босницкого и тебя.

Рославлева (*кокетливо*). Потом?

Беклемишев. Потом я увлекся хорошеньким врагом, попал в его сети...

Рославлева. И потом?

Беклемишев (*смотрит ласково*). Милая моя!

Рославлева (*ласкаясь*). И ты до сих пор еще немножко любишь своего врага?

Беклемишев. Люблю... Люблю глубоко и сильно, люблю всей душой, люблю, как силу, как какую-то неизведанную правду, вопреки всем, бесконечно притягивающую меня. (*Горячо целует; энергично.*) Мне захотелось вдруг писать...

Рославлева (*покорно*). Ах, везде мои враги. Значит, чай? Я сейчас распоряжусь. Милый, милый... (*Горячо целует его.*) Иду. (*Идет, вскрикивает перед зеркалом, в котором медленно проходит какая-то тень.*)

Беклемишев (*вздрагивая*). Что такое?

Явление 3

Входит горничная.

Рославлева. Это ты. Господи, как я испугалась.

Горничная. Письмо. (*Уходит.*)

Явление 4

Рославлева (*недоумевающе*). Письмо? (*Быстро идет к столу, зажигает свечи.*) От твоей жены... карандашом...

Беклемишев (*берет письмо, садится, распечатывает и громко читает*).

Рославлева присаживается к нему на колени, обнимает его и слушает.

«Я пишу тебе в театре наскоро: нам надо объясниться. Я верю тебе во всем, конечно, но я узнала только что о таком оскорблении, возможность которого даже никогда не могла предвидеть. Я искала тебя в театре, но мне сказали, что ты уехал... Я страшно расстроена и, не дождавись конца, уехала...»

Явление 5

Входит Беклемишева – ее не замечают.

Беклемишев (*продолжая читать*). «Приезжай к двенадцатичасовому поезду; если не приедешь, заеду за тобой к Рославлевой, так как, вероятно, ты у нее».

Рославлева (*быстро*). Надо сказать, что нет дома...
(*Поднимает глаза, вскрикивает при виде Беклемишевой.*)

Беклемишев вскакивает и стоит остолбеневший.

Беклемишева (*с презрением, упреком, отчаянием*). Как евангелию, верила каждому твоему слову!.. (*Уходит.*)

Явление 6

Беклемишев (*быстро, порывисто Рославлевой*). Уйди и не входи, пока не позову. Вопрос жизни... Я возвращу ее...

Рославлева (*умоляюще*). Пусть, Боря, пусть уходит она...

Беклемишев (*не помня себя, дико*). А-а, безумная, иди же... (*Хватает ее с силой за руку, вталкивает в спальню, выбегает.*)

Явление 7

Рославлева выходит из спальни.

Беклемишев (*возвращается*). Ушла, как в воду канула. (*Хватает шляпу, быстро идет к выходу.*) Надо ехать на вокзал. (*Останавливается перед неподвижно стоящей Рославле-*

вой, не смотря.) Наташа, я должен...

Рославлева. Боря... выслушай... Мы не искали этого... Боря, ты сам разбудил мое достоинство... Если я и стою еще на одной жерди, как говоришь ты, если я только люблю... да и жена твоя... Боря, но я ясно сознаю теперь всем сердцем моим, всем существом моим сознаю, что если ужасна была моя прежняя жизнь, то и эта, которую мы влачим с тобой теперь... Вечная ложь... Боря, я устала... нужен выбор...

Беклемишев. Выбора нет: за ее жизнь я заплачу жизнью.
(Убегает.)

Явление 8

Рославлева (*тупо*). Ушел... ушел... Одна... одна. (*Дико.*) А я верила, все верила... А-а, довольно обманывать и унижаться... (*Подбегает к столу, достает коробочку, высыпает порошок на руку и проглатывает; быстро идет к окну, при виде белых статуй хватается за волосы и отскакивает.*) Боюсь! Боря, мой Боря, я боюсь, боюсь!! Ничего, ничего... смерть скорая... (*Бросается на кушетку, лежит некоторое время откинувшись, поднимает голову с ужасом смерти, дико.*) Я не хочу!! А... (*Обрывается и некоторое время тупо смотрит; судорожно хватается за горло, с тревогой.*) Что-то странное делается со мною, я знаю, где я, и не узнаю ничего... (*Затихает, всматривается, вскрикивает безумно.*) Боря?! Ты?! (*Вскакивает и падает назад на ку-*

шетку, полулежа с открытыми глазами.)

Явление 9

Входит Босницкий с несколькими орхидеями.

Босницкий (*весело*). Все, что мог достать... (*Подходит и протягивает с любезной обязательностью цветы Рославлевой.*) Ге?! (*С ужасом бросает в нес цветы и дико смотрит на мертвую Рославлеву.*)

Занавес